

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Научно-фантастическая повесть А. Р. Беляева.

Содержание предыдущих глав повести, помещенных в №№ 5 и 6 журнала „Всемирный Следопыт“.

Американский миллиардер Солли организует подводную экспедицию на дно Атлантического океана для розыска Атлантиды,—материка и государства, поглощенных волнами океана.

После долгих поисков, Атлантида найдена. Участник экспедиции, профессор Ларисон, изучавший на месте остатки культуры атлантов и сохранившуюся «бронзовую библиотеку», воспроизводит жизнь Атлантиды в повести «Последний человек из Атлантиды». Им взято время, предшествующее катастрофе. Последний царь Атлантиды, Гуам-Атагуераган, ссорится с кастой жрецов, желая восстановить неограниченность царской власти. Жрецы решают «убрать» негодного царя, провоцируя восстание рабов, и посадить на престол брата царя, слабовольного Келетцу-Ашинацака.

Вместе с этой социальной борьбой, переплетаясь с нею, протекает борьба личных страстей: дочь царя,—царевна Сель и великий скульптор—раб Адиширна-Гуанч любят друг друга. Любовь сына жреца—Акса-Гуама к рабыне Ате (сестре скульптора) заставляет Акса-Гуама примкнуть к восстанию рабов.

Восстание приближается. Акса-Гуам назначает собрание рабов в старых шахтах. Не дремлют и жрецы. Чтобы побудить безвольного Келетцу-Ашинацака занять престол его брата,—царя Атлантиды, они вызывают «тень его отца», которая предсказывает, что престол Атлантиды ждет Келетцу-Ашинацака. Но последний продолжает колебаться.

Приближающаяся вулканическая катастрофа дает знать о себе: все чаще происходят подземные толчки. Но увлеченные общественной и личной борьбой, атланты еще мало обращают внимание на эти признаки надвигающейся катастрофы, которая должна сразу оборвать всю их человеческую суету.

— «На наш век хватит,—а там... пусть хоть все пирамиды лопаются, как скорлупа печеных яиц»,—говорит один из жрецов.

IX. «Змееныш».

— Кончено!

Адиширна-Гуанч подошел бронзовое зубило и молоток, отошел от статуи и окинул ее взглядом.

Перед ним, как живая, стояла Сель в короткой легкой тунике, с копьём в правой руке, приготовленном для метанья. Вся фигура дышала порывом. Правая но-

га выдвинута вперед и согнута в колене.левой рукой, на ремешке, она сдерживала пару остромордых, поджарых собак с напряженными для прыжка мускулами. Волосы Сель были плотно обтянуты лентой, сколотой впереди булавкой в виде полумесяца. Этот полумесяц символически изображал ее имя*).

*) Сель на языке атлантов означает: Луна. Ларисон.

Адиширна залюбовался своим произведением. Такой он увидел Сель в первый раз, на охоте, в лесу.

Большая луна уже поднялась над океаном. Лунный луч скользил по мраморному лицу статуи и Адиширне показалось, что Сель улыбнулась ему.

В порыве любви, он подошел к статуе и поцеловал ее в холодные мраморные губы.

— Кхе, кхе, кхе... боги святые, он с'ума сошел...

Адиширна в смущении отпрянул от статуи и обернулся.

Перед ним стояла нянька царевны Сель—бабушка Гу-Шир-Ца.

— Что случилось? Говори скорее!

Ца стала рыться непослушными, старческими руками в складках своей одежды, причитая и охая, наконец, извлекла свернутый кусок материи и подала Адиширне.

— На вот... читай...

Адиширна вырвал из рук Ца кусок материи, раскрыл и в волнении стал читать при свете луны.

Потом он вскрикнул, засунул послание за пазуху, и быстро убежал.

Адиширна-Гуанч мчался по широким улицам к Священному Холму.

Граждане Атлантиды наслаждались прохладой ночи.

Из темной зелени садов неслись звуки песен, флейт и воркование китцар *).

Дома были освещены. Отдернутые занавесы меж колонн открывали вид на внутренние помещения. Атланты возлежали у столов, увитых розами и уставленных блюдами и чашами. Рабы наливали вино в чаши тонкой рубиновой струей, высоко поднимая узкие, длинные амфоры. Слышались шутки и смех.

... Ты мало пьешь, оттого и боишься землетрясения, — услышал Адиширна отрывок фразы. — Пей больше, и ты привыкнешь к колебаниям почвы. Земля пьяна и шатается. Будем пить и мы. Раб, вина!..

Адиширна продолжал быстро идти. В густой тени лавровой роши зазвучала

*) Китцара—музыкальный инструмент, напоминающий греческую „кифару“. Ларисон.

веселая песня. Чей-то женский голос пел:

— Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны...
Как луна целует землю,
Поцелуй меня и ты!

Мужской голос отвечал:

— Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи.

Оба голоса слились в дуэт:

— Будь, что будет! Не печалься!
Ярко светит нам луна...
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!..

Раздался смех и звук поцелуя. Но и в шутках и в песнях, которые слышал Адиширна, ему чудилась затаенная тревога. Будто предчувствие надвигающейся опасности томило людей смутной, тоской, и они старались забыться в веселье...

Адиширна взошел на подъемный мост у Священного Холма.

— Кто идет? — окликнул воин.

— Адиширна, раб. Меня вызвали во дворец Шишен-Итца починить трубы в ванной комнате.

Адиширна-Гуанч, гениальный скульптор и ювелир, которые родятся один раз в тысячелетие, — принужден был исполнять по требованию жрецов и царя самые различные работы, вплоть до починки водопроводов и дверных замков.

Адиширну знали на Священном Холме, и он беспрепятственно переступил запретную черту.

На холме не было такого оживления, как в самом городе. Дворцы стояли особняками, окруженные высокими стенами.

Адиширна свернул на боковую дорогу, густо обсаженную кипарисами. Кипарисы стояли сплошной стеной, и здесь было почти темно. Пахло смолистой хвоей. Впереди послышался треск песка под чьими-то сандалиями. Адиширна спрятался меж кипарисов.

Медленной походкой, напевая под нос песню, прошел один из сторожей. Когда его шаги замолкли вдали, Адиширна

отправился дальше. В конце аллеи светились огни дворца. Адиширна пробрался через чащу кипарисов и стал, в обход, приближаться ко дворцу. Занавесы между колонн были закрыты. За ними слышались голоса. На площадке перед дворцом, у одной из колонн, укрывшись за кустом олеандра, стоял раб Куацром — слуга в доме жреца Шишен-Итца, и подслушивал.

Адиширна подошел к нему и тихо спросил:

— Где Акса-Гуам?

Куацром махнул на него, приложил ладонь к своему рту в знак молчания, и показал на занавеску.

Адиширна стал прислушиваться. Говорили жрец Шишен-Итца и его жена.

— Позор! Позор! Проклятие на твою голову! Ты родила и вскормила своей грудью змееныша! Акса,—мой сын, изменник и предатель!.. Он замышляет царевбийство. Он проводит время с рабами и подготавливает восстание... Он опозорил мое великое в истории Атлантиды имя... Я должен сейчас же донести на него царю!..

— Но, может быть, можно все исправить... Недопустить восстание. Расстроить их планы, Не спеши, молю тебя!..

Адиширна быстро отвел Куацрома в сторону:

— Донос?

— Донос.

— Слушай, Куацром... Надо во что бы то ни стало помешать Шишен-Итца... удержи его, придумай что-нибудь... мне сейчас некогда об этом думать... царь не должен знать о заговоре, понимаешь? По крайней мере, чем позже он узнает о нем, тем лучше. Где Акса-Гуам?

— Он в старых шахтах, на тайной сходке рабов...

— Ладно. Так, помни же, Куацром!..

И Адиширна быстро зашагал по кипарисовой аллее.

Х. В старых шахтах.

Адиширна замешался в толпу рабов.

Акса-Гуам кончал речь.

Он говорил о тяжких страданиях рабов, о их жизни, похожей на вечную каторгу, и призывал их восстать, сбросить цепи, убить царя, захватить власть в

свои руки и стать свободными, — какими они и были когда-то...

Яркие лучи луны обливали людской муравейник. Полуголые рабы заполняли громадную котловину заброшенных старых шахт. Рабы облепили своими телами кучи щебня, сидели на утесах, деревьях, камнях...

Адиширна внимательно оглядел толпу и сразу почувствовал: в ней нет единства.

Одни из рабов жадно слушали Акса-Гуама, полукрыв рты и кивая утвердительно головами, другие стояли неподвижно и смотрели на него недоверчиво и враждебно.

— Смерть или свобода!.. — крикнул Акса-Гуам и сошел с утеса.

Его место занял раб, по прозвищу «Злой». Он имел светлую окраску кожи. Серые глаза его смотрели насмешливо. Злая улыбка кривила рот.

— Акса-Гуам, жреческий сынок, говорил нам о наших страданиях. Спасибо ему, что он просветил нас,—без него мы и не знали бы об этом!

В толпе послышался смех.

— Но откуда у него вдруг появилась такая любовь к рабам? Не вместе ли с любовью к одной из наших девушек?—и он покосился на Ату, стоящую рядом с Акса-Гуамом.—А что, — обратился он прямо к Акса-Гуаму, — если твоя любовь пройдет, или она бросит тебя? Тогда ты восплаешь к рабам такой-же ненавистью? — Вы, рабы, — продолжал он обращаясь к толпе, — хотите стать свободными. С чего вы начинаете? С того, что выбираете себе нового царька: Акса-Гуама. А что если он подведет нас под плети, а потом сбежит на свой Священный Холм?.. Только сами рабы могут освободить себя от рабства! Восстание — не дело влюбленных, в расшитых золотом одеждах. Вот мое мнение!—И он сошел со скалы.

Муравейник пришел в сильное возбуждение. Теперь толпа казалась единой. Но это единое явно было не в пользу Акса-Гуама. На него устремились тысячи враждебных глаз. Над толпой поднимались кулаки.

— Не верьте ему!..

— Он подослан жрецами!—послышались возгласы.—Гнать его вон!..

На скале появился «Кривой». Надсмотрщик выбил ему глаз, и с тех пор за ним утвердилось это прозвище. «Кривой» хитро прищурил свой единственный глаз и поводил головой из стороны в сторону, потом приложил указательный палец к кончику носа и сказал:

— Так вот...

Толпа заинтересовалась этим комическим началом и затихла.

— «Злой» прав. Но только он смотрит одним глазом, которым я не вижу...

— Хо-хо,—засмеялись в толпе.

— А теперь я посмотрю другим глазом, которым я вижу...

— Скажите мне, положи руку на сердце, верите ли вы сами в успех восстания: в то, что вы будете свободны, что вы победите легионы атлантов?—Нет, не верите. И все-таки восстание будет. Почему?—Потому, что нет больше сил терпеть. Потому, что нам хуже не будет: убитым — мир, живым — та же каторга. В это время приходит к нам Акса-Гуам и говорит: — «Я с вами. Я помогу вам». — А хоть бы и так? Лучше с нами, чем против! Что побудило его притти,—не все ли равно. Наша девушка?—Верно! Но, ведь, девушек-то наших у них полные гаремы. Выбирай любую. А он к нам. Может и почувствовал горе наше? Что же выходит? Верить — не верьте ему, а гнать тоже не за чем... Авось пригодится. Верно я говорю?—И ткнув опять пальцем в кончик носа, он сошел со скалы.

Акса-Гуам вытер со лба пот. Он совершенно не ожидал такого поворота дела. Он привык смотреть на рабов, как на безгласное стадо, забитое и покорное. Довольно сказать им ласковое слово, погладить по шерсти, и они пойдут за ним. Он снизошел до них. Он так долго умилялся своей ролью благодетеля и спасителя. И вдруг—вся эта сходка превратилась в какой-то суд над ним. Эти резкие, свободные речи о нем, о его личной жизни, этот язвительный или насмешливый тон... Он чувствовал, как против его воли, в нем поднимается вековая ненависть и презрение его касты к рабам...

Суровый и гордый поднялся он на скалу.

— Я пришел помочь вам, а вы судите меня. Я не собираюсь делаться вашим царьком. Пусть «Злой» станет во главе восстания.. Я...

Толпа вдруг заволновалась, расступилась. Через толпу, расталкивая рабов, быстро шел Куацром. В руках он нес какой-то мешок.

— Расступись! Расступись! Важное известие!..

Куацром подошел к скале, поднял мешок и вытряс из него на землю какой-то круглый шар.

— Что это?...—с недоумением спросил Акса-Гуам,—и вдруг, побледнел и в ужасе отшатнулся.

Освещенная лунным светом, на него смотрела остеклятельными глазами головы его отца, жреца Шишен-Итца...

Акса-Гуам схватился за скалу, чувствуя, что теряет сознание.

Ата истерически вскрикнула.

— Шишен-Итца узнал о восстании и шел к царю, чтобы донести на тебя и предупредить его о восстании, — заявил Куацром, — Адиширна сказал мне: «Задержи во что бы то ни стало Шишен-Итца, чтобы он не донес о заговоре рабов: Я не мог иначе задержать его... Лучше он, чем ты. Он был злой господин... Чтобы не сразу узнали, кто убил, я отрезал голову и унес в мешке... Вот... Я сделал, как мне было приказано...

Толпа выслушала эти слова в полном молчании.

Акса-Гуам сел на камень и опустил голову на руки.

Ата боязливо жалась к нему, не решаясь открыто проявить участие.

Когда первое впечатление прошло, рабы начали обсуждать создавшееся положение. Теперь царь неизбежно должен был узнать о готовящемся восстании. Также неизбежна тяжкая расплата за заговор. Надо было решаться действовать немедленно. После долгих и горячих споров, план восстания был выработан. Решено было итти приступом на Священный Холм.

Но тут неожиданно на скалу поднялся Адиширна-Гуанч.

— Этот план никуда не годится,— сказал он решительным голосом.

— Брат?!—воскликнула Ата.

Акса-Гуам поднял голову и с недоумением посмотрел на Адиширна.

— Священный Холм прекрасно укреплен со стороны каналов. Мосты могут быть подняты. Вы должны будете наполнить трупами каналы, прежде чем перейти их. Но там вас встретит бронзовая щетина копий. Мы поведем на приступ только часть нашей армии, чтобы отвлечь внимание. Главные же силы мы пустим в обход и обрушимся на Священный Холм со стороны гор. Это—кратчайшая дорога и к царскому дворцу. Но нам нужно раньше овладеть оружием. Я подумаю над этим...

— И так, на заре!.. — Адиширна не успел закончить. Сильный подземный толчок потряс скалы и волной прокатился по долине. Зашуршали падающие камни. Если подземные силы раньше не разрушат Священный Холм, — добавил он. Но слова его потонули в шуме взволнованной толпы. Муравейник пришел в движение. Рабы расходились, обсуждая события.

Акса-Гуам, Ата, Адиширна и Гуамф шли по дороге.

— Прости меня, Акса, я был невольным виновником смерти твоего отца!.. Но я думал, что Куацром умнее...

Акса-Гуам только мрачно кивнул головой.

Они вышли на безлюдную боковую дорожку. Ата взяла Акса-Гуама за руку и крепко сжала ее, желая утешить. Акса-Гуам ответил рукопожатием.

— Ты тоже примкнул к... восстанию?—спросил Акса. Он хотел сказать: «примкнул к нам», но после речей рабов не смог сказать этого.

— Я не верю в восстание!—сказал Адиширна.

— Я преследую личные цели, и откровенно говоря об этом. И вынужден из-за лазухи кусок материи с письменами Сель, он подал его Акса-Гуаму.

Акса-Гуам прочитал:

«Отец выдает меня замуж за царя Ашора. Я скоро должна уехать. Отец

узнал о моем свидании с тобой в Золотых Садах от раба и очень рассердился. Он запер меня в Соколином Гнезде. Сель».

Акса-Гуам знал Соколиное Гнездо. Это была своего рода тюрьма для лиц царского дома. Подземный ход вел из самого дворца к горе. Внутри горы была проложена винтовая лестница, которая выводила в помещение, вырубленное на громадной высоте; небольшой балкончик выступал над отвесным, как стена, утесом. Побег был невозможен.

— У меня одни пути к Сель: через дворец!—сказал Адиширна. И они замолчали, думая каждый о своем.—Брось это дело!—сказал Гуамф Акса-Гуаму.

Ата только крепче сжала его руку и просительно посмотрела ему в глаза.

Он тяжело вздохнул, до боли сжал руку Аты и сказал глухим голосом:

— Поздно!

XI. Ацро-Шану и Крична.

Дворец Хранителя Высших Тайн—Ацро-Шану—стоял особняком, у храма Посейдона, окруженный высокой стеной.

Дворец имел два этажа; нижний помещался под землей. В верхнем были парадные залы для приема, украшенные со сказочным великолепием. Золотые статуи богов, треножки, мебель, осыпанные драгоценными камнями, ослепляли глаза.

Ацро-Шану очень редко бывал здесь. Только ранним утром, проведя ночь за бронзовыми таблицами, он приходил иногда подышать свежим воздухом. Садился у балюстрады на открытой площадке, щурил глаза и тихо дремал или думал. Раб приносил скромный завтрак—маленькую пресную булочку в виде двух сплюснутых шаров и чашу ключевой воды.

Как только жар усиливался, он спускался в свои подземные комнаты. Здесь всегда стояла ровная, прохладная температура. Хорошая вентиляция освежала воздух. Дневной свет проникал преломленный шлифованными зеркалами. Зеркала эти вращались по ходу солнца. Но в днев-

ном свете почти не было нужды: Адро-Шану работал только ночью.

Нижнее помещение представляло полный контраст с верхним этажом. Белые

мраморные стены не имели никаких украшений. Комнаты были обставлены почти скудно, самой необходимой деревянной мебелью. Простая деревянная кро-

-- Что это?... — с недоумением спросил Акса - Гуам, — и вдруг побледнел и в ужасе отшатнулся, закрыв лицо рукой. На него смотрела остеклянными глазами голова его отца — Шишен-Инца.

вать была покрыта двумя шкурами леопардов. Вдоль стен длинной амфилады комнат тянулись полки с рядами бронзовых таблиц. Каждая полка имела надпись на бронзовой пластинке и номер; сами пластинки были также классифицированы и пронумерованы. Один каталог этой библиотеки занимал целую комнату.

Была ночь.

Ацро-Шану сидел в деревянном кресле у длинного стола. Огонь светильника золотил бронзовые пластинки, груды лежащие на столе. Заслонив рукой глаза от света, Ацро-Шану внимательно читал. Рядом с ним сидел молодой жрец Крицна—его ученик. Тишина была необычайная. Ни один звук не проникал сверху.

Старик откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, тихо сказал:

— Бедная Атлантида!..

Крицна не осмелился нарушить молчания.

— Я стар... мне сто сорок девять лет. Пора на покой — начал Ацро-Шану после долгой паузы. — Тебя избрал я, Крицна. Тебя посвящу в Высшие Тайны Атлантиды. Ты молод. Моложе других. Но в тебе сильный дух и бесстрашная мысль.

— Чувствуешь ли ты себя готовым, чтобы узнать истину? Готов ли во имя ее расстаться с самым дорогим для тебя?

— Готов!—твердо произнес Крицна.

— Так слушай: Высшая Тайна—в том, что ее нет!

Крицна смотрел на жреца с недоумением.

— Для толпы, даже для царей и низших жрецов у нас много тайн: мы знаем, как лечить болезни. Мы знаем ход небесных светил. Мы даже знаем, когда должно наступить затмение солнца или луны. Мы можем вызывать мертвых. Чего же больше? Да, мы обладаем великими знаниями, но в них нет ничего таинственного... Тысячи лет мы наблюдали за ходом болезней человека и записывали эти наблюдения. Тысячи раз мы испробовали,—сперва на больных рабах,—тысячи разных трав, настоев и смесей. Тысячи больных умирали от наших лекарств, но от некоторых они выздоравливали. Мы тщательно записывали все это, сверяли

записи, делали выводы. Так ощутью, слепо, опытным путем, мы создавали нашу медицину. Почему настой горькой коры, известного нам дерева исцеляет лихорадку?—Мы не знаем сами. Мы лишь знаем его целебное действие.

— Тысячи лет мы наблюдали светила неба и записывали наши наблюдения. Сравнивая их, мы заметили закономерность и периодичность многих небесных явлений и научились предсказывать наступления этих явлений.

— У нас нет других тайн, кроме тысяч накопленных наблюдений. Но и это тайны лишь потому, что наш опыт мы скрываем от непосвященных.—И только в этом наше могущество!

— А вызывание духов?..

— Мы прибегаем ко многим средствам, чтобы удержать свое влияние и власть. Зная заранее о затмении солнца, мы говорим, что гнев богов сокровит солнечный свет, и лишь по нашей молитве вернет его людям. И при помощи этого мы заставляем самого царя повиноваться нашей воле.

— И царь не знает?..

— Царь верит в тайну и суверен так же, как и последний из рабов. Воспитание царей находится в наших руках... Ты спрашивал о вызывании духов. Отражение на парах, при помощи зеркал, восковой фигуры и слуховой трубка... Вот и все привидение... Как-нибудь я объясню тебе, как это делается..

Крицна был поражен.

После некоторого колебания он сказал:

— Но это обман!

— В чем истина? Разве сами чувства не обманывают нас? И потом народ любит чудо и тайну, и мы даем их народу. Обман? Да. Но это дало нам возможность посвятить себя исключительно знанию и сделать много полезных народу открытий...

— Почему же не посвятить в эти знания и народ?... И что получают рабы от всех полезных открытий?..

Ацро-Шану нахмурился.

— Рабы... Кто же будет копать в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?..

Крицну не удовлетворил этот ответ. Целый вихрь мыслей и сомнений закружился в его голове. Несколько успокоившись, он спросил:

— Ну, а боги?..

— Их нет!

Крицна почувствовал, что у него кружится голова.

Искоса посмотрев на него, Ацро-Шану смягчил удар.

— Если хочешь, они есть, но не таковы, какими представляют их цари и рабы. Солнце «божественно»—своей оплодотворяющей силой, теплом и светом. Но ни один раб не исполняет с такой точностью свою работу, как солнце свой восход, течение по небу и заход. Может ли оно убавить свой свет или ускорить свой путь? Солнце не бог, а раб времени и пространства...

— Крицна замолчал, опустив голову... Лицо его было бледно, густые брови нахмурены. Громадное напряжение мысли и внутренняя борьба отражались на этом лице.

Ацро-Шану незаметно наблюдал за ним, как врач наблюдает больного, производя над ним опасную операцию.

— Я знаю Крицна, это трудно... Сомнения терзают тебя и будут терзать... Но ты выйдешь победителем... А когда буря уляжется в твоей душе...

Вошел раб.

Это было необычно. Во время занятий никто не имел права входить в комнату Ацро-Шану.

Жрец нахмурился и недовольно побарабанил иссохшими пальцами по столу.

— Что-нибудь срочное?..

Раб преклонил одно колено.

— Трижды священный! Вестник Солнца и Эльзаир просят тебя впустить их по неотложному делу.

— Пусть войдут.

Эльзаир и Вестник Солнца вошли, преклонив голову.

Ацро-Шану благословил их поднятием руки.

— Говорите...

— Трижды священный! — сказал Эльзаир. Я не осмеливался раньше нарушать твой покой... Меня уже давно беспокоят необычайные явления в небесах... Светила, как будто, сошли с своих мест...

Их путь не проходил уже по точкам, установленным на наших пирамидах и инструментах... Не предсказывают ли эти явления, думал я, великих бедствий?.. И вот, является Вестник Солнца, и его сообщения, как будто, подтверждают мои опасения...

— Говори! — обратился Ацро-Шану к Вестнику Солнца.

— Трижды священный! Я совершал свой обычный объезд по нашим владениям для сбора налогов и ревизий. И везде я заставал ужасные картины. На восток и на запад от Атлантиды все острова в огне вулканов. Многие города уже погибли от извержений и землетрясений. Земля колеблется, здания рушатся и люди мечутся, как стадо испуганных овец...

— Бедная Атлантида!... — вновь тихо произнес Ацро-Шану.

— Ты прав, Эльзаир! Твои наблюдения имеют связь с наступлением печальных событий, о которых говорит Вестник Солнца. И все же, ты ошибся, Эльзаир. Планеты не сместились с своих мест, и неподвижные звезды также неподвижны, как и раньше.

— Но мои наблюдения?... Проверь их сам! Это истина! Я видел своими глазами!..

— А ты веришь глазам?—И обратившись к Крицне, он сказал:

— Слушай. Вот хороший пример твоей «истины». Что ты думаешь Эльзаир, если после чаши крепкого вина тебе покажется, что все шатается вокруг?

Эльзаир покраснел от обиды.

— Но я был трезв...

— Я не о том. Подумаешь ли ты, что колонны сместились с мест, или найдешь причину явлений в своей голове?... Так и здесь. Сместились не звезды, а пирамиды, и потому вершины пирамид и твои инструменты не совпадают с обычными течениями звезд.

Эльзаир был совершенно озадачен.

— Но пирамиды стоят незыблемо на земле!

— А сама земля?..

Эльзаир начал понимать.

— Не проще ли допустить, что сдвинулась одна земля, чем весь небесный свод? Так оно и есть. Подземные силы

отня изменили положение самой земли; сдвинулись и все твои точки наблюдения. Только сейчас я изучал явления, предшествовавшие ужасным землетрясениям, постигавшим уже Атлантиду тысячелетия тому назад... Тогда было тоже самое. И так же, как теперь, первыми начали действовать вулканы на соседних с Атлантидой островах; они меньше Атлантиды, и подземным силам огня легче справиться с ними, — прорваться наружу. Увы!.. На основании моих исследований я пришел к заключению, что мы перед небывалой катастрофой... Атлантида обречена!.. Сообщения Вестника Солнца лишь говорят о том, что мы ближе к катастрофе, чем я предполагал...

Эльзаир и Вестник Солнца стояли пораженные. Только Крицна не проявил особого волнения: «подземные силы» клокотали в его собственной душе. Он переживал внутреннюю катастрофу, которая заслонила от него ужас надвигающейся физической катастрофы.

— Созовите на завтра Верховный Совет... Если мы бессильны предупредить несчастье, позаботимся о спасении.

— Крицна, сообщи во дворец о созыве Верховного Совета.

Крицна поднялся на верх и вышел на мраморную баллостраду дворца.

Внизу лежала Атлантида, упоенная лунным светом и ароматом цветов. Как всегда, со стороны города доносились, смягченные расстоянием, звуки музыки и песен.

Вдали мерно вздыхал океан...

Но Крицна ничего не видел.

Он крепко сжал голову и стоял, с искаженным лицом, под яркими лучами луны.

— Все ложь и обман... Нет богов... нет тайны... Есть только жадная, корыстная каста жрецов, которая из знания делает тайну, чтобы угнетать народ и утопать в роскоши...

Взгляд его упал на золотую статую бога-Солнца, сияющую в лучах луны.

И вдруг, в порыве бешеного гнева, Крицна сбросил статую с пьедестала.

И она со звоном покатила по мраморным плитам пола.

XII. Восстание рабов.

Жрецы и двор давно знали о готовящемся восстании рабов, хотя время восстания им еще не было известно. Священный Холм спокойно ожидал событий.

До сих пор эти восстания не представляли большой опасности для «государства», то-есть для его господствующих каст: царского дома, жрецов, военачальников. Эти восстания походили скорее на неорганизованные бунты.

Однако, на этот раз события развернулись иначе. Задолго до рассвета, еще в полной тьме, рабы тихо, бесшумно оставили шахты. Так же бесшумно наносились внезапные удары тяжелыми бронзовыми кирками в головы надсмотрщиков и сторожей. И они падали, как снопы, не издав ни звука.

Не прошло часа, как весь Черный Город оказался в руках восставших. Мрак и тишина скрывали события.

У дорог и тропинок, ведущих к Священному Холму, были поставлены сторожевые отряды, чтобы задержать случайно уцелевших надсмотрщиков и сторожей, которые могли предупредить о событиях Священный Холм. Но это было сделано лишь из предосторожности: в Черном Городе не осталось ни одного сторожа, ни одного надсмотрщика с уцелевшим черепом...

Рабы двинулись к Старым Шахтам.

Здесь находился штаб восстания.

— Если мы и не победим, мы дадим почувствовать Священному Холму растущую силу рабов, — сказал «Злой», обращаясь к толпе.

— Нам нужно во что бы то ни стало вооружиться бронзовыми мечами и копьями. Арсеналы охраняются большими и хорошо вооруженными отрядами воинов. Нам не одолеть их нашими мотыгами и кирками. Итак, чтобы достать оружие из арсенала, нам нужно уже быть хорошо вооруженными. Много готового оружия имеется еще на заводе. Это здесь, под рукой. Завод охраняется меньшим отрядом, чем арсенал. С этим отрядом, быть может, мы справимся скорее. Но при первом же натиске, они могут за-

жечь огни с сигналом тревоги и вызвать к себе на помощь дежурные легионы. Надо овладеть заводами так же быстро и бесшумно, как мы овладели Черным Городом. Но как это сделать? — Мне известно, — сказал Акса-Гуам, — что перед рассветом сменится отряд охраняющий завод. Смена будет идти по дороге Дракона. У двух источников эта дорога проходит в глухом месте через котловину... Нападем на этот отряд, покончим с воинами, оденем их доспехи, явимся на завод в виде смены и займем ее место. Тогда завод будет в наших руках со всем его оружием.

— А пароль? — спросил Адиширна.

— Я узнал его: «Змей и Солнце»

План был принят.

На дороге Дракона, у двух источников, произошло первое сражение.

Рабы пропустили отряд, отрезали отступление и сразу напали на него с трех сторон: спереди, с тыла и с левой стороны дороги, — правая обрывалась крутым утесом.

Удар был неожиданный, но закаленные в боях воины атлантов оказывали упорное сопротивление. Щиты защищали их от камней. Копья были длиннее мотыг и кирок. Воины разили ими рабов без особого вреда для себя. Отряд мог быть легко сброшен с утеса, но надо было по возможности полностью сохранить вооружение воинов. На стороне рабов был численный перевес. Копья застревали в телах рабов, но прежде чем воины успевали извлекать острие копья, к древку тянулись десятки рук и цепко хватались за него, несмотря на удары других копий. Мало по малу большинство копий перешло в руки рабов. Движения воинов затруднялись недостаточной шириной дороги. Потеряв копья, воины пустились в ход мечи. Но копья дали явный перевес рабам: мечи были короче копий. Один за другим падали воины, загромаждая трупами дорогу, что еще больше затрудняло маневрирование.

Отряд был обречен... Последние воины, не желая пасть от руки раба, пронзали сами себя мечами или бросались с утеса.

Через какой-нибудь час весь отряд представлял груду тел. Ни одного чело-

века в отряде не осталось в живых. Рабы быстро сняли с трупов воинов вооружение, омыли кровь у источника, и надели его на себя.

Акса-Гуам нарядился в доспехи начальника отряда, и все двинулись в путь. У дороги остался заградительный отряд.

«Смена стражи» у завода произошла благополучно. Начальники отряда обменялись паролями, и ночная смена, звеня бронзовым оружием, потянулась в обратный путь. К их приходу все трупы были сброшены с утеса, путь был очищен, следы сражения заметены.

Покончить с небольшим отрядом внутренней стражей завода не представило большого труда. Громадные заводы, изготовлявшие бронзовое оружие, были в руках восставших.

На заводе оказалось семь тысяч готовых мечей и копий, и пять тысяч еще не полированного, но годного к бою оружия.

Рабы ликовали. Никогда еще восстание не начиналось такой удачей. Крепла вера в победу над Священным Холмом.

Приближалась заря, и надо было спешить покончить с арсеналом и до восхода солнца перебросить главные силы в горы.

Вооруженные рабы, представлявшие уже грозную военную силу, быстро двинулись к арсеналу.

Их вооружение ввело гарнизон арсенала в заблуждение.

— Кто идет? — спросил выдвинутый вперед дозор.

— По распоряжению Кетцаль-Коотля, начальника вооруженных сил Атлантиды, легионы «охраны» для подкрепления гарнизона, — ответил Акса-Гуам.

Половина рабов успела перейти мост, когда обман был обнаружен, и то лишь по недосмотру самих рабов: часть слишком ретивых рабов, не получивших вооружения, замешалась в отряд со своими кирками. Их заметили и подняли тревогу. Но было уже поздно. Мечи скрестились, потрясая тишину ночи лязгом бронзы. Воины атлантов сражались с обычной стойкостью. Рабы теснили их, воины отступали внутрь громадного арсенала, отдавая с боя каждый шаг. С

треском ломались тяжелые двери складов, толпы полуголых рабов вливались туда, выходя обратно в полном боевом вооружении. Рабы побеждали.

Еще продолжались отдельные схватки уже в самих складах и в углах широких мощных дворов, а вооруженные ряды рабов уже двигались быстрым маршем по горной дороге в обход Священного Холма. Короткие стычки по дороге с сторожевыми отрядами не задерживали этого стремительного продвижения.

За одну ночь безоружные, бессильные рабы превратились в грозную армию, вооруженную шестьдесятю тысячами мечей и копий.

Несмотря на все предосторожности, от Священного Холма не удалось скрыть захвата арсенала. Арсенал помещался у подножья Священного Холма. Шум битвы ясно доносился туда в тишине ночи. Но это же сражение у арсенала дало возможность главным силам рабов продвинуться далеко вперед в горы, прежде чем они были замечены. Во главе этих главных сил были «Кривой» и Адиширна. На долю «Злого» и Акса-Гуама выпала трудная задача с меньшими силами вести наступление на Священный Холм со стороны наиболее защищенной, и принять на себя главный удар лучших легионов атлантов — кавалерии «Нептуна» и «Непобедимых».

Священный Холм уже ослепительно сверкал бронзой своих храмов и дворцов в утренних лучах солнца, когда Акса-Гуам и «Злой» со своими отрядами подошли к кольцевому каналу у подножья Священного Холма. Подъемные мосты были подняты. Вся набережная на стороне Священного Холма горела, как бронзовая стена, вооружением выстроившихся в боевом порядке воинов.

Рабы приуныли, глядя на густой лес копий противника...

Канал преграждал путь рабам.

Но обе враждующие стороны не долго стояли в выжидательном молчании.

В канале, у берега стояло множество мелких судов. «Злой» махнул рукой на эти суда и работа закипела. Рабы стягивали баркасы и фелюги к одному месту и, под ударами копий, пущенных с того бе-

рега, составляли пловучие мосты. Набережная поднималась над водой на полтора человеческих роста, но это не останавливало рабов. Они двинулись по мостам и, становясь друг на друга, карабкались на берег. Кепья сбрасывали их. Скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому поползли, как муравьи, новые ряды рабов. Весь канал покраснел от крови вниз по течению. Трупы покрывали поверхность воды. Но главное было сделано: прежде чем солнце достигло зенита, рабы были на другом берегу. Многие из них впервые вступили на Священный Холм. Воины атлантов отошли на широкую площадь перед каналом, чтобы получить большую свободу маневрирования, и здесь началась длительная, упорная борьба.

У воинов атлантов было большое преимущество в том, что они стояли на холме, рабы же внизу, на узкой площадке, имея за собой канал. Подкрепление к рабам могло вливаться лишь медленно, по мере захвата площади. Груды тел затрудняли движение. Рабы стали ослабевать. Атланты усилили натиск. Наступил момент, когда прижатые к каналу ряды рабов могли быть сброшены в воду.

«Злой» и Акса-Гуам сражались в первых рядах. Оглянувшись, «Злой» увидел, что рабы отступают.

— Конеч! — подумал он.

Но в этот самый момент среди воинов атлантов также произошло замешательство. Их задние ряды спешно отступали.

Как потом оказалось, на горном фронте положение атлантов было отчаянным. Адиширна и «Кривой» лавиной обрушились с гор, и вплотную подошли самому дворцу царя. Туда и было спешно вызвано подкрепление. Отряд Акса-Гуама и «Злого» вздохнул свободнее. Скоро рабы перешли в наступление и упорно теснили врага к вершине Священного Холма.

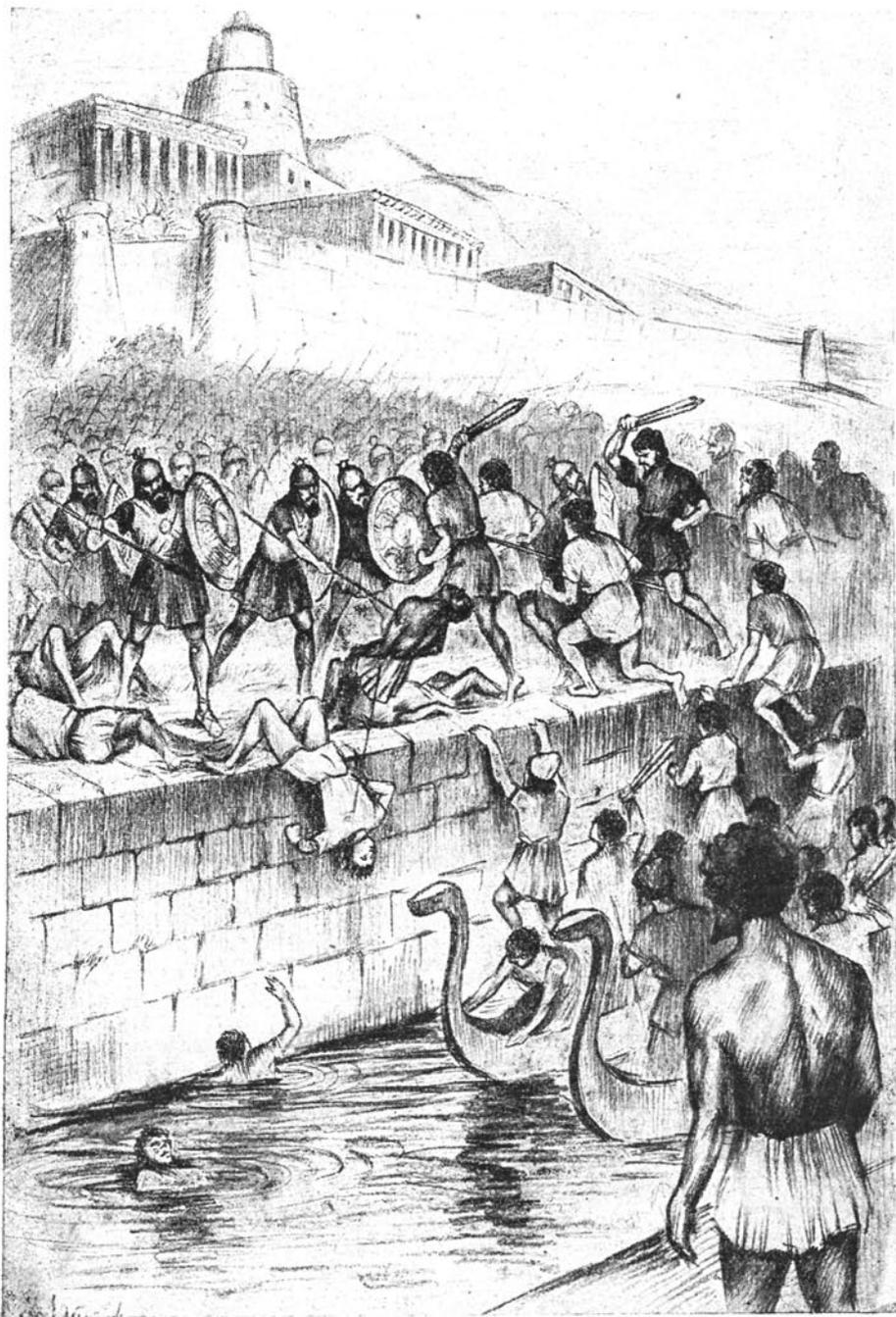
Но в это самое время на Священном Холме произошли события, предreshившие исход восстания.

В ту ночь, когда рабы подняли восстание, у царя Гуам-Атагуерагана был про-

щальный прием отъезжающих после праздника Солнца подвластных царей.

Чтобы поразить их в последний раз

богатством и великолепием двора, прием происходил в «Изумрудном Зале», помещавшемся в подземной части двор-

Рабы карабкались на берег, становясь друг на друга. Копья воинов сбрасывали их в канал, и скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому поползли, как муравьи, новые ряды рабов.

ца. Все стены громадного зала были сплошь покрыты драгоценными камнями. Эти камни, подобранные по цветам, изображали фантастические цветы и пейзажи.

На бронзовом небе сияло топазовое солнце, хризопразовые деревья отражали свою зелень в изумруде воды. Желтые и розовые бериллы, красные рубины венчиками цветов поднимались из хризолитовой травы.

Трон стоял у стены, сплошь выложенной одними изумрудами, разные оттенки которых составляли сложный узор. Это была в буквальном смысле изумрудная стена: она была отделана от капитальной стены коридором, в котором помещались светильники. Свет их просвечивал сквозь изумруды, производя необычайный световой эффект.

Царь был предупрежден уже о восстании. Церемония приема была затянута, чтобы ко времени ее окончания порядок на Священном Холме был восстановлен: приезжие цари не должны были знать о восстании. Это было тем легче сделать, что в Изумрудный Зал не проникал никакой звук с поверхности земли.

Но восстание ворвалось и в это скрытое помещение.

Прежде чем подоспели на помощь горному фронту воины, снятые с поля сражения у канала, Адиширна и «Кривой» овладели дворцом. Звук мечей уже послышался в соседнем зале. И вдруг, вооруженные рабы ворвались в Изумрудный Зал. Почетные караулы царей и сами цари принуждены были пустить в дело мечи.

Только Гуам-Атагуераган восседал еще на престоле с величавой неподвижностью статуи и наблюдал за битвой. Но в душе его было смятение. Дворцовая стража и цари дрались с мужеством отчаяния, но ряды их редели с каждой минутой... Смерть смотрела в глаза царя Атлантиды.

В то мгновение, когда падали последние защитники дворца, царь вдруг вспомнил о возможном спасении. Он хотел гордо встретить смерть, как подобает царю Атлантиды. Но мысль о спасении заставила его сбросить маску величия. Быстро сбежав по ступенькам трона, он вынул тяжелый, бронзовый меч,

крепко сжав рукоятку, усыпанную бриллиантами и с размаха разрубил изумрудную стену. Несколько ударов образовало проход в стене. Крупные изумруды, как горох, покатались на мозаичный пол. Царь бросился в образовавшийся проход. По его пятам, к проходу, кинулось несколько рабов.

Вдруг один из рабов, увидев крупные изумруды, наклонился к полу, стал пригоршнями собирать их, засовывая в рот и за панцырь. Другие рабы, с разбега налетели на него и упали. Образовалась куча тел, которая заслонила проход.

Царь бежал...

Пылающий гневом «Кривой» подбежал к замешкавшимся у разбитой стены рабам и стал избивать их. Адиширна потрясал мечом и призывал к порядку. Ничего не помогало. Не видя больше противника, толпы рабов рассеялись по залам дворца и занялись грабежом. В кладовых нашлись громадные амфоры вина. Вино наливали в вогнутые щиты и, истомленные зноем и битвой,—рабы жадно пили и тут же падали от опьянения...

XIII. Финал восстания рабов.

Как только жрецы узнали о восстании, они собрались на совет в одной из пирамид. Здесь они были в безопасности. Подземные ходы, соединявшие дворцы и пирамиды, были хорошо скрыты. От своих слугителей жрецы знали о ходе борьбы.

Несмотря на посланный жрецами приказ военачальникам подавить восстание немедленно, сверху приходили неутешительные вести.

Исход продолжавшегося сражения был сомнителен.

В окрестностях Атлантиды были расположены громадные гарнизоны. С помощью их не представляло особого труда подавить восстание, но теперь какжды лишний час битвы причинял жрецам убытки: рабы разоряли их дворцы, и притом большинство рабов составляло «движимое имущество» жрецов. Этот живой товар не плохо расценивался на Морской Бирже.

Только к закату солнца успех правительственных войск определенно окончателен. Армия «Кривого» и Адиширна была отеснена в горы и рассеяна в лесах.

«Кривой» был убит во дворце, и труп его разрублен на части воинами «Нептуна». Адиширна-Гуанч пропал без вести.

Покончив с главными силами рабов, воины атлантов двинулись на остатки армии «Злого» и Акса-Гуама. Рабов прижали к каналу, они падали в канал и тонули.

Небольшая группа рабов, со «Злым» во главе, как разъяренные львы защищала мосты, прикрывая отступление.

Наконец, пронзенный в горло, пал «Злой». Священный Холм был очищен. Оставались лишь отдельные группы рабов, которых воины травили, как собак, загоняли во дворы и тупики и зверски убивали.

Акса-Гуам был ранен в руку и голову. Его оттеснили от отряда «Злого».

Отбиваясь от наседавших воинов, он стал в углубление бронзовой стены, окружавшей дворец Верховного Жреца Апро-Шану, прислонившись спиной к узкой, бронзовой калитке.

От кровотоечения из ран и усталости у Акса-Гуама кружилась голова и глаза застилало туманом. Как во сне, он машинально махал мечом, отбивая удары копий.

Неожиданно калитка открылась за ним, и он едва не упал навзничь. Подозревая ловушку, он обернулся и увидел перед собой Крицну, — ученика Апро-Шану. Крицна поддержал его и, ухватив за руку, толкнул в калитку. Сюда же бросился один из воинов. Крицна выхватил из слабеющей руки Акса-Гуама его меч и ударил воина по голове. Тот свалился. Но за ним вырос другой. Длинным копьем он пронзил грудь Крицну.

— Закрой калитку, — успел крикнуть Крицна и упал, обливаясь кровью.

Акса-Гуам навалился на бронзовую дверь, быстро захлопнул ее и успел заложить тяжелый, бронзовый засов.

Он склонился к Крицне. Глаза Крицны тускнели. Кровь с клочкотанием выходила из раны в груди и изо рта.

— Умираю... так лучше... все ложь и обман... и жизнь обман... — хрипло говорил он с паузами. — Оставь меня... беги...

И Крицна склонил голову на землю. Легкая судорога прошла по его телу. Акса-Гуам медленно шел по саду. Он не

думал о бегстве... Он ни о чем не думал. Он был слишком разбит телом и духом.

Из-за стены доносились звуки удаляющегося сражения, крики и стоны.

Но здесь было тихо и мирно, как всегда.

Пальмы горели своими веерообразными вершинами в лучах вечернего солнца. Цветы благоухали. На яркой зелени деревьев кувыркалились и кричали бело-розовые и красно-зеленые попугаи, привязанные за ногу золотыми цепочками.

— Доброе утро, Апро-Шану, — картаво и резко прокричал в след Акса-Гуама попугай.

Акса-Гуам спускался по желтой песчаной дорожке, усаженной по сторонам цветущими белыми лилиями и белыми туберозами. Их сильный, сладкий запах пьянил ему голову.

На ветке большого апельсинового дерева сидела ручная обезьяна и внимательно чистила большой, зрелый, сочный плод. Увидев Акса-Гуама, она сорвала еще один апельсин и с насмешливым криком запустила в него. Как оранжевый мяч, апельсин покатился по желтой дорожке.

Акса-Гуам вспомнил, что со вчерашнего дня он ничего не ел.

Он поднял апельсин и с наслаждением стал есть его сладкую, сочную, душистую мякоть. Обезьяна что-то закричала ему в след на своем языке.

Он невольно улыбнулся, кивнул обезьяне головой. Она приветливо закивала в ответ. И, странно, ему стало как-то легче на душе.

Он подошел к мраморному водоему, снял с себя тяжелые доспехи и вымылся в холодной, ключевой воде. Оставшись в короткой, черной тунике жреца, с расшитым на груди золотыми нитками диском солнца, он почувствовал себя легко и свободно. С удовольствием он растянулся на зеленой траве, расправляя усталые члены.

— Если бы не болели раны, было бы совсем хорошо, — подумал он.

Сладкая истома сковывала тело. Он невольно закрыл глаза и стал погружаться в дремоту.

И вдруг, будто толчок разбудил его. Он быстро сел.

— Ата! Что с ней?... Как мог он так долго не думать о ней!

Ата умоляла его позволить ей сражаться вместе с ним.

— Многие наши женщины - рабыни вооружаются и идут на Священный Холм, чтобы умереть или победить... Я не могу остаться дома... Я сильна, и я хочу быть с тобой...

Но он настоял на своем. Он убедил ее остаться, уверяя, что если она будет рядом с ним на поле сражения, опасения за ее жизнь будут отвлекать его и это скорее может погубить их и повредить восстанию.

Со слезами на глазах она простилась с ним прошлой ночью на Старых Шахтах...

— Что с нею?... Не пошла ли она разыскивать меня и не убили ли ее воины атлантов?

Одним прыжком он поднялся на ноги и быстро пошел вниз по дорожке. Перелез через стену и стал спускаться с Священного Холма.

Кратчайшая дорога вела мимо дворца его покойного отца.

Минуту Акса-Гуам колебался, но потом решительно зашагал по этой дороге. Она уже вся была очищена от рабов. От времени до времени встречались отряды воинов. О его участии в восстании знали немногие обитатели Священного Холма. В своей одежде жреческой касты он беспрепятственно шел вперед.

Подходя ко дворцу отца, он невольно замедлил шаги.

Дворец одной стороной выходил на дорогу, поднимаясь своими тяжелыми колоннами над бронзовой оградой.

И вдруг Акса-Гуам остановился. У него перехватило дыхание.

В одном окне стояла его мать, с растрепанными, седыми космами волос и безумными глазами. Она узнала его, и указывая на него пальцем протянутой руки, истерически захохотала:

— Вот он!.. Вот он!..—кричала она.— Змееныш! Змееныш! Где ты прячешь голову твоего отца? Она нужна Агушатце... Он делает мумию. Разве бывают мумии без головы?.. Отдай голову отца!.. Отдай голову!..

Две рабыни подхватили ее под руки и силой оттянули от окна.

Акса-Гуам зажал уши и бросился бежать. Но крик матери стоял в его ушах.

— Отдай голову твоего отца!..

Только добежав до моста у канала, он несколько успокоился.

— Бедная мать!.. Голова отца... Она на Старых Шахтах... Голова жреца... Он даже не знает, закопали ли ее в землю...

XIV. Гибель Аты.

В Черном Городе еще не улеглось волнение. Толпы рабов наполняли улицы. Воины атлантов не преследовали рабов: Священный Холм очищен, а от кары рабам не убежать.

На широкой площади, где перекрещивались две дороги, какой-то раб узнал его:

— Смотрите! Вот он! Вот—Акса-Гуам, царь рабов!

— Предатель!

— Изменник!

Толпа окружила его. В него полетели камни.

Разъяренные женщины протягивали к нему кулаки и кричали:

— Отдай мне убитого мужа!

— Ты погубил моего сына!

— Где брат мой?

Какой-то раб-фракиец подскочил к нему и сбил его ударом на кучу щебня. Потом посадил, нахлобучил ему на голову свой красный колпак и закричал:

— Коронование царя рабов!

Кольцо толпы сжималось все теснее. Град камней падал на Акса-Гуама. Окровавленный и бледный сидел он в красном колпаке и смотрел на толпу невидящим взором.

— Что смотреть на него? — сказал раб-бербер, с копьем в руке.— Разве в нем не кровь врагов наших?

— Отойдите!

Рабы отошли в сторону, и раб-бербер пустил копье прямо в грудь Акса-Гуама.

Но прежде чем оно вонзилось, из толпы раздался женский отчаянный крик, чье-то тело метнулось между Акса-Гуамом и летящим копьем.

Копье пронзило насквозь грудь молодой женщины.

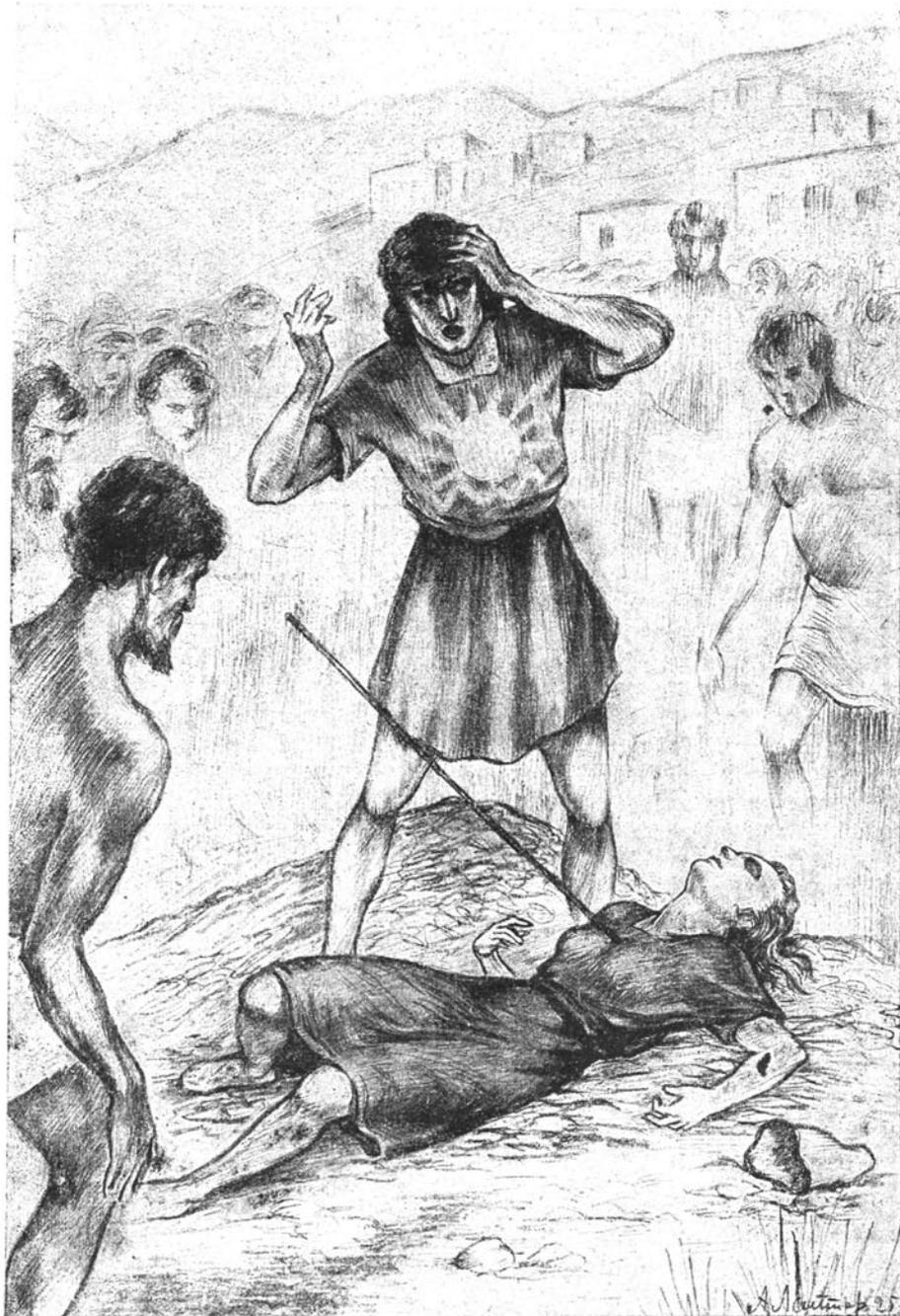
Это была Ата.

Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать:

— Мою жизнь...—Кровь хлынула из

горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя...

— Ата!..—крикнул Акса-Гуам. Но си-

Копье пронзило грудь молодой женщины. Это была Ата. Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать: „Мою жизнь...“ — Кровь хлынула из горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя...

лы изменили ему. Он потерял сознание и свалился с кучи камня к труп Аты.

Толпа отхлынула и затихла, взволнованная неожиданной смертью Аты.

Но тот же раб-бербер, рассерженный тем, что ему испортили меткий удар, которым он хотел похвастаться, закричал:

— Еще одну рабыню сгубил он! Смерть ему!—И бросился к Акса-Гуаму. Несколько рабов последовали за ним.

— Стой, собака!—вдруг вырос, как из под земли, старик Гуамф, заслоняя собой тела Аты и Акса-Гуама.

Рабы остановились в смущении. Старика Гуамфа знали и уважали в Черном Городе.

— Уйди, старик!—понижая тон сказал раб-бербер.

— Звери вы, или люди?—накинулся на него Гуамф. — Вам мало крови? Так убейте и меня, старика!

И обратившись к рабу-берберу, Гуамф продолжал:

— Где ты был, Ширна, когда брали Священный Холм? Ни один из рабов, которые бились там, не поднимет руку на Акса-Гуама: кто-бы он не был, он бился вместе с нами и за нас отдавал жизнь, как последний из рабов. Где ты достал копьё, Ширна, которым хотел убить Акса-Гуама и убил мою внучку? Поднял на дороге после сражения? Я знаю тебя и твою шайку! Когда нас давят, вы подлизываетесь к надсмотрщикам и доносите на своих. Когда мы воюем, вы подуськиваете других и выжидаете дома, кто победит, чтобы лягнуть копытом побежденного. Нам всем жилось бы легче, если бы не было таких, как ты. И ты смеешь судить побежденного?

Раб-бербер смутился и замешался в толпу.

— Слушайте, рабы! Акса-Гуам потерял отца,—продолжал старик.—Мать его

лишилась рассудка. Девушка, которую он любил, лежит перед вами с копьём в груди. Ему нет дороги назад, на Священный Холм...

Не дослушав конца речи, толпа рабов вдруг отхлынула и побежала к шахтам. По дороге, со стороны Священного Холма, медленно двигался отряд конницы. Не прошло пяти минут, как площадь была пуста. Слышно было только цокание бронзовых подков по каменным плитам дороги, да бряцание оружия.

Как победители, гордые и самоуверенные воины атлантов медленно проехали, не кинув даже взора на группу у каменной кучи: трупов валялось слишком много на дороге, а дряхлый старик не стоил внимания.

Стало совсем тихо. Только жужжалой синих мух, блестящих в закатных лучах, собравшихся над зияющей раной Аты.

Гуамф оттащил Акса-Гуама от дороги, скрыв за кустом труп Аты.

Акса-Гуам пришел в себя.

Гуамф ласково положил ему руку на плечо.

— Ты не сердись очень на них.—И он махнул рукой в сторону шахт.—Тяжело опять становиться в ярмо... Помнишь, как я сам рассердился на тебя, когда ты заговорил об освобождении рабов. Когда это будет и будет ли? Может быть, когда-нибудь, через тысячи лет и взойдет наша звезда и исцелит раны наши. Но только тогда уж нас не будет, а может быть, не останется следа и от самой Атлантиды... И никто не будет знать, что и мы боролись за дело рабов и через тысячелетия посылали привет тем, кто будет счастливее нас...

— Пить!...—хрипло прошептал Акса-Гуам и застонал от боли...

(Окончание следует).

